

Когда Ли Чжун так легко во всем сознался, Юань Цин, собиравшийся вытереть руки шелковым платком, ошеломленно застыл. Спрятав ткань за пазуху, он поднялся, не спеша подошел к пленнику и, недовольно нахмурившись, процедил:

— И это все, господин Ли? Так просто сдались? А ведь говорят, у столичных книжников хребет железный.

Ли Чжун хрипло, дребезжаще рассмеялся и, вскинув голову, посмотрел на евнуха:

— Управление дворцовых слуг славится своими истязаниями, но не их я испугался. Сначала я и впрямь собирался молчать до конца. Но когда увидел того, кто загнал меня в эту ловушку, вдруг передумал. Зачем мне покрывать третьего принца? Он ведь двоюродный брат нашего многоуважаемого наследника Ханя. Стоит ли мне терпеть адские муки в застенках Управления дворцовых слуг ради того, кто и пальцем ради меня не пошевелит?

Юань Цин даже растерялся от столь высокомерной откровенности. Переведя взгляд на Хан Сиэня, который небрежно полулежал в кресле у стола, и вспомнив, как благоволит к юноше государь, евнух спросил с оттенком почтительного заискивания:

— Как считает наследник? Стоит ли пустить в ход инструменты?

Хан Сиэнь даже взгляда не поднял.

— Раз уж во всем сознался, пусть изложит на бумаге, как сошелся с третьим принцем, о чем они договаривались, а после — приложит руку и печать.

Юань Цин мысленно вздохнул. Жаль, что все изощренные пытки, которыми славилось его ведомство, сегодня не пригодятся. Повернувшись к арестованному, он сухо бросил:

— В таком случае, господин Ли, приступим.

С этими словами евнух вернулся на свое место.

Поняв, что допрос идет совсем не по его сценарию, Ли Чжун не на шутку разозлился. Не в силах сдержать злобу, он выплюнул прямо в лицо Хан Сиэню:

— Дряхлый заморыш! Тебе и до совершеннолетия не дожить! Погляжу я, что ты со мной сделаешь!

Хан Сиэнь наконец удостоил его вниманием. В темных глазах юноши промелькнул ленивый интерес. Он неторопливо поднялся, подошел к привязанному к стулу Ли Чжуну и, присев перед ним на корточки, мягко улыбнулся:

— Сыплешь проклятиями в надежде разозлить меня? Хочешь, чтобы я приказал замучить тебя до полусмерти, а ты бы потом наложил на себя руки ради «чистого имени» и свалил всю вину

на меня?

Ли Чжун не ответил, лишь упрямо сжал губы и исподлобья уставился на него ненавидящим взглядом.

— Если готов говорить по делу — начинай, не трать наше время, — ровным, почти ласковым тоном продолжил Хан Сиэнь. — А если нет, что ж, посиди пока, мы вернемся завтра. Только не забывай, каков в гневе наш государь. Твоему роду в любом случае конец. Но если твои признания разгневают Его Величество еще сильнее, представь, какая участь ждет твоих детей и внуков. Мужчины из клана Ли на поколения вперед станут бесправными слугами, женщины — рабынями, которых будут продавать и покупать как скот, распоряжаясь их жизнями по собственной прихоти. Будь я на твоем месте, я бы выложил все как на духу. Глядишь, выхлопочешь для родни ссылку за три тысячи ли. Да, клеймо преступников останется, зато вы сохраните фамилию, а выжившие потомки хотя бы смогут прийти на твою могилу в праздник Цинмин и сжечь немного поминальной бумаги.

Ли Чжун дрогнул, краска мгновенно сбежала с его лица.

Едва Хан Сиэнь успел подняться, как чиновника затрясло, и он выплюнул сгусток темной крови — лишь чудом не забрызгав полы чужого халата. Глядя на бурые капли на полу, Ли Чжун вспомнил, как стража бесцеремонно взломала тайник в его доме.

"Неужели это воля небес?" — обреченно подумал он.

Но смиряться перед роком он не желал. Вперив свирепый взор в Хан Сиэня, Ли Чжун прохрипел:

— Ты... чудовище... Возмездие настигнет тебя, помани мое слово!

В глубине души его сковал леденящий ужас. Но назвать имя второго принца он не смел. Промолчит — казнят его одного, но если он выдаст правду, Вдовствующая императрица сотрет весь его род с лица земли.

Поговаривали, будто покойный император отправился к праотцам не без помощи Вдовствующей императрицы. Ходил слух, что нынешний государь в юности своими глазами видел, как мать отравила отца, отчего в первые годы правления робел перед ней и не имел реальной власти. И пусть то были лишь перешептывания на задворках дворца, Ли Чжун прекрасно знал: дыма без огня не бывает.

Если их отправят в ссылку за три тысячи ли, выжить в дороге почти невозможно. Погибнут все до единого, а их кости сгниют в глуши, растасканные дикими зверями. Но если он унесет тайну с собой в могилу... Император все же милосерднее своей матери. Возможно, ради верности покойному Его Величество проявит снисхождение к сиротам.

Хан Сиэнь, который по лицу пленника уже окончательно понял, какого именно принца тот выгораживает, равнодушно произнес:

— Стоило ли вообще все это затевать? Бог с ними, с наворованными богатствами. Но те веера из потайного сундука... Разве на каждом из них нет следов невинной крови? Судьба свела тебя со мной, и это значит лишь одно: небо отвернулось от тебя. Винить тебе некого.

Безжалостно вонзив это напоминание в самое сердце Ли Чжуна, Хан Сиэнь вернулся к столу и снова лениво откинулся на спинку стула с видом человека, которого происходящее больше не касается. Чжан Ханпин растерянно перевел взгляд с Юань Цина на юношу, а затем приказал стражникам подать обвиняемому кисть и тушь.

Пальцы Ли Чжуна ходили ходуном, черные капли туши падали на белоснежную бумагу, расплываясь уродливыми кляксами. Он успел вывести лишь один кривой иероглиф, после чего силы окончательно оставили его, и он мешком рухнул на каменный пол.

Чжан Ханпин велел вылить на него несколько ушатов ледяной воды, но узник так и не пришел в себя.

Глядя на это, Хан Сиэнь поднялся:

— Раз уж сегодня от него ничего не добиться, я возвращаюсь во дворец с докладом.

— Наследник, не беспокойтесь, — поспешно заверил его Чжан Ханпин. — У Верховного суда припасено немало способов развязать язык. Притворяется он или действительно лишился чувств, ваш покорный слуга быстро приведет его в чувство.

Хан Сиэнь окинул главу суда ледяным взглядом:

— Господин Чжан, а если он так и не заговорит? Вы намерены забить его до смерти прямо сегодня?

Будучи любимчиком императора, Чжан Ханпин не привык к подобному тону, и в его душе шевельнулось глухое раздражение. Заметив это, Юань Цин примиряюще улыбнулся и поднялся с места:

— Господин Чжан, хоть время и дорого, Его Величество милостив и не устанавливал жестких сроков. Пусть запрут его в камере и получше присматривают. А мы с наследником поедem во дворец.

Старый лис Чжан Ханпин, съевший собаку на дворцовых интригах, и бровью не повел. Скрыв злость на высокомерного юнца под дежурной улыбкой, он вежливо поклонился:

— Наследник и почтенный евнух Юань правы. Ли Чжуну действительно нужно время, чтобы все хорошенько обдумать. Я прикажу пылинки с него сдувать.

Юань Цин благосклонно кивнул чиновнику. Хан Сиэнь же, даже не взглянув на главу Верховного суда, развернулся и вышел вон.

Вернувшись в императорские покои, Юань Цин без утайки изложил государю все обстоятельства допроса, слово в слово передав разговор Хан Сиэня с арестованным. Евнух не упустил ни единой детали, ничуть не смущаясь присутствия самого юноши.

Выслушав доклад, император шумно, тяжело выдохнул, а его усы гневно зашевелились. Он возмущенно уставился на Хан Сиэня:

— Я отправил тебя помочь Верховному суду, а ты что устроил? Явился туда запугивать подследственного? И каков итог? Мало того, что ничего от него не добился, так еще и довел мерзавца до кровавой рвоты!

— Ваше Величество, — невозмутимо отозвался Хан Сиэнь, — ваш покорный слуга лишь рассудил, что в моем присутствии этот старый лис ни за что не станет откровенничать. Пришлось его немного припугнуть. Кто же знал, что он окажется настолько слабонервным? Сразу видно — совесть нечиста.

Император недовольно хмыкнул. Вообще-то он и впрямь подумывал сделать мужчин рода Ли вечными рабами, а женщин — рабынями. Но теперь, когда Хан Сиэнь озвучил это вслух, государь умерил свой пыл. Ему претила мысль, что какой-то юнец с легкостью предугадывает его решения — это задевало императорское величие.

Побарабанив пальцами по подлокотнику, император спросил:

— Значит, Ли Чжун утверждает, будто его сообщником был третий принц?

Хан Сиэнь лишь коротко кивнул. Лицо правителя омрачилось:

— Раз так... пусть третий принц затворит свои ворота и предается размышлениям о собственном поведении в стенах своего поместья.

Император недолюбливал Цзи Ло, но лишать сына жизни не собирался. К тому же о том, что именно третий принц подал тайный доклад на клан Ли, знали лишь трое: сам государь, евнух Юань Бао и Хан Сиэнь.

Приказ о домашнем аресте служил не только строгим предупреждением, но и, по сути, укрывал Цзи Ло от недобрых взглядов и лишних расспросов остальных придворных.

Отдав распоряжения, император жестом велел им удалиться, но перед самым уходом бросил Хан Сиэню:

— Завтра в Верховный суд ни ногой. У тебя язык острый, как бритва. Походишь туда еще пару дней — и подсудимый точно испустит дух от твоих речей.

Хан Сиэнь с готовностью подчинился.

Когда они вышли из императорского кабинета, Юань Цин вкрадчиво заметил:

— А у наследника, как я погляжу, доброе сердце. Если бы не ваше своевременное предостережение, господин Ли продолжал бы упорствовать, пытаясь свалить всю вину на третьего принца. Разгневай он Его Величество по-настоящему, и участь детей Ли оказалась бы куда страшнее рабских кандалов.

Хан Сиэнь искоса взглянул на евнуха:

— Вы ошибаетесь, уважаемый Евнух Юань Цин. Клан Ли теперь мой кровный враг. С чего бы мне заботиться об их благополучии?

Юань Цин лишь мягко улыбнулся:

— И все же вы не позволили ему запутать следствие. Ваша милость явно благоволит третьему принцу.

В тех обстоятельствах любые слова Хан Сиэня неизбежно дошли бы до ушей императора, и юноша выбрал самый изящный способ направить дело в нужное русло.

Хан Сиэнь лишь усмехнулся:

— Евнух Юань Цин, этот дворец слишком велик, и здесь у каждого за спиной стоит чья-то тень. Чтобы оговорить третьего принца, нужно обладать изрядным умом, коего у Ли Чжуна не наблюдается. Да и какая разница, если последнее слово всегда за государем? Сами видите — Его Величество уже отправил принца молиться о прощении в четырех стенах.

На самом деле Хан Сиэнь чувствовал себя слегка оболганным: он и не думал спасать Цзи Ло. Просто вся эта интрига, наконец, начала по-настоящему его развлекать.

Государь вознамерился использовать его как карающий меч, чтобы вырезать гниль в министерствах и заодно раскопать тайны былых лет. Сам Хан Сиэнь уже почти восстановил картину прошлого, но для сокрушительного удара требовались неопровержимые улики. Род Ли мог стать отличной разменной монетой, так почему бы не припрятать этот козырь в рукаве до лучших времен?

Поняв, что юноша не намерен откровенничать, Юань Цин лишь понимающе усмехнулся и не стал настаивать. Такие, как он, привыкли выживать в узких дворцовых щелях — если собеседник не желает подхватывать намек, глупо навязываться.

Распроставшись с евнухом, Хан Сиэнь неспешно направился к родовому гнезду. Стоило ему переступить порог поместья, как к нему подбежал слуга Хан Чжо. Запыхавшись, он сообщил, что господин герцог срочно ожидает старшего сына в своем кабинете.

Раньше Хан Сизнь еще находил забавным разыгрывать перед отцом послушного преемника, но теперь, когда у него появились игрушки поинтереснее, тратить время на Хан Чжо не хотелось вовсе. Он сухо сослался на недомогание и отказался идти на ковер к родителю.

Слуга так и застыл с открытым ртом, ошарашенный подобной дерзостью. Проводив растерянным взглядом удаляющуюся фигуру молодого господина, он развернулся и со всех ног помчался докладывать разгневанному герцогу.

Хан Сизню не было до него дела. Он прямой дорогой направился к себе, в Дворик Душистых Орхидей. Разнесет ли сейчас взбешенный Хан Чжо половину своего кабинета, переколотив коллекционный фарфор, его ни капли не волновало.

Юноша напряженно размышлял над тем, как лучше «помочь» государю очистить столицу от скверны и как изящнее связать между собой ниточки, тянущиеся к разным заговорщикам.

"Кто же должен сделать следующий шаг на этой шахматной доске? — Хан Сизнь задумчиво посмотрел на влажный след от кисти. — Вдовствующая императрица пока слишком сильна"

После долгих раздумий он обмакнул кисть в тушь и небрежно вывел на чистом листе бумаги иероглиф «Бай». Рассматривая кривой росчерк, он удовлетворенно кивнул.

Вдовствующая императрица пока оставалась слишком крупной дичью, к которой не подступиться без подготовки. Следовало начать с пешек помельче.

<http://bllate.org/book/20088/2001995>